

КРЕСТЬЯНСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© 2008 г. М. И. Мельникова

*Кандидат психологических наук, доцент, главный психолог управления по работе с персоналом
Северо-Кавказского банка Сбербанка России, Ставрополь*

В систему категорий исторической психологии вводится новое понятие – крестьянская ментальность, которая рассматривается как культурно-исторический феномен, выражающий интегративную характеристику архетипических форм коллективного сознания. Раскрываются особенности крестьянской ментальности: природоцентрированность, антиномичность, ценностно-смысловое отношение к труду, экзистенциальный характер мировосприятия, специфическая социальная раздвоенность (коллективизм–индивидуализм). Подчеркивается влияние крестьянской ментальности на формирование основ российского менталитета.

Ключевые слова: менталитет, крестьянская ментальность, существенные характеристики крестьянской ментальности, способы трансляции коллективного опыта, деятельностное опосредование, образ жизни.

Проблемы, с которыми столкнулась современная Россия на границе двух веков, показывают, что нарушены межпоколенный диалог, культурные коммуникации между представителями различных социальных, исторических и культурных общностей. Забвение прошлого обернулось кризисом личности, “трагедией одиночек, выживающих в отдельности, в пьесе без сюжета, в социальной неопределенности, в игре без правил” [1, с. 8]. Население устало испытывать культурный шок от бесконечных нововведений и критики всего и всех. В одних случаях это толкает человека к миграции, в других – к преступной деятельности, в третьих – оборачивается депрессией, социальной пассивностью и отрешенностью от мирских забот (уход в религию, эзотерику, оккультизм).

Для отечественной психологии наступает период перехода от сложившейся установки на изучение психики индивидов, замкнутых в пространстве лабораторного эксперимента к стратегии изучения макropsychологических явлений, к которым, без сомнения, можно отнести и феномен “крестьянская ментальность”. Новые ориентиры в психологическом мировоззрении детерминируются слабым влиянием психологической теории и практики на управленческую деятельность государственных структур и конкретных политических лидеров, отвечающих за проектирование, концептуализацию и организацию социально-политической, социально-экономической и социально-психологической реальности современного российского общества. Одной из причин является отсутствие историко-психологической рефлексии по отношению к феноменам, ассимилирующим

положительный и отрицательный опыт людей, вытекающий из повторяющихся в историческом процессе условий, причин кризисных явлений и способов преодоления трудных жизненных ситуаций. Вышесказанное придает особую значимость исследованиям, направленным на изучение менталитета историко-культурных, социально-вызываемых общностей, где крестьянству принадлежит ведущая роль. Как отмечает отечественный историк А.В. Гордон, “этничность, культуральность, крестьянственность и иные, на первый взгляд сугубо частные определения, все очевидней выступают как подспудное стремление к всечеловеческому... По-новому выявляется системообразующее значение государственности, уже не только политического, но и особого экономического, культурного фактора. Полем размежевания и объединения социальных сил становится культурная традиция” [9, с. 7].

Таким образом, дальнейшее прогрессивное развитие российской государственности невозможно без учета культурно-исторических, психологических по своей природе феноменов, порожденных длительным опытом жизнедеятельности людей в определенных природно-географических, экономических и социально-исторических условиях. Реализация этой социально обусловленной цели наталкивается на следующее противоречие: между потребностью общества в использовании проверенных историческим временем ценностных ориентиров и отсутствием информации о макropsychологических феноменах, отражающих в обобщенной форме культурно-исторические универсалии больших социаль-

ных общностей, к числу которых можно отнести крестьянство.

Мы будем рассматривать понятие “крестьянская ментальность”, как своеобразный психологический феномен, интегративную характеристику архетипических форм коллективного сознания: коллективные представления, ценности и нормы, базовые установки крестьян по отношению к значимым сторонам жизнедеятельности (труду, к природе, к другим людям и к себе самому). Идентификация каждого нового поколения сельских тружеников с крестьянской ментальностью может происходить двумя путями. Во-первых, в самом начале онтогенеза, в процессе освоения родного языка и приобщения к сельскому образу жизни и, во-вторых, в процессе профессионализации, как результат рефлексии и осознанной интеграции индивидуальных представлений о мире с культурно-историческими константами крестьянской субкультуры.

К изучению специфических, психологических черт крестьянства обращались многие отечественные философы, историки, филологи, политические и общественные деятели в конце XIX – начале XX в. Интерес к крестьянской теме был достаточно выражен в 60–80-е гг. XX в. В тот период он активизировался и направлялся партийными запросами, а также низкой продуктивностью сельскохозяйственного производства. В исследованиях того времени пытались классифицировать ценностные представления, характерные для сельских жителей [8, 17, 19, 28, 29, 31, 32, 34].

Особенности психологии крестьянства в историко-эволюционной динамике были описаны в коллективной монографии О.И. Зотовой, В.В. Новикова, Е.В. Шороховой [13]. Изучалась проблема профпригодности личности к сельскохозяйственному труду [14, 15, 18, 30]. В 90-е гг. прошлого века к крестьянской теме были обращены исследования В.П. Познякова, Е.В. Шороховой в связи с влиянием изменения форм собственности и экономических отношений в сельском хозяйстве [24, 38].

Проведенные в 60–80-е гг. XX в. социологические и социально-психологические исследования показывают, что вопрос о сущности крестьянской ментальности как культурно-исторического образования практически не рассматривался. Наблюдается неоднозначность представлений о конституирующих признаках данного феномена, категориальная размытость в определениях сущности “крестьянского миропонимания”. В психологии отсутствуют как общая программа исследования феноменологии ментальности культурно и исторически воспроизводимых социальных общностей, так и конкретные методические приемы и технологии ее диагностики. Естественная ограни-

ченность статистически значимых средств исторического анализа побуждает прибегать к помощи эрудиции, а также феноменологическому анализу скрытой сущности явления.

Проблема крестьянского менталитета может рассматриваться в контексте различных отраслей психологического знания: психологии труда – в связи с направленностью этой научной дисциплины на изучение воспроизводящихся в историческом процессе форм и видов профессиональной и трудовой деятельности человека; акмеологии – в связи с интересом к исторически зрелым формам взаимоотношений человека и общества; социальной психологии – с познанием динамики больших социальных общностей.

Исходя из актуализированной проблематики, практической и теоретической значимости, целью данного исследования является анализ существенных компонентов крестьянского менталитета, позволяющих описать данный культурно-исторический феномен в содержательном и функциональном аспектах. Можно предложить следующую исходную теоретическую модель для изучения онтологической сущности крестьянской ментальности. В структуре крестьянской ментальности могут быть выделены ее основные компоненты (блоки ценностных представлений коллективного опыта, организованных по иерархическому принципу). Эти коллективные представления фиксируют наиболее значимые отношения крестьянства России к базовым сторонам их жизнедеятельности: труду, к природе, к другим людям, к самому себе. Став достоянием индивидуального сознания, коллективные представления обретают психологические характеристики и включают в себя когнитивный компонент (закрепившиеся в культурно-историческом опыте народа знания, ценности и нормы жизнедеятельности), конативный компонент (установки, намерения, предпочтения) и эмотивный компонент (эмоционально-чувственная окрашенность коллективных представлений).

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МЕНТАЛИТЕТЕ И МЕНТАЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Этимологический анализ понятий менталитет и ментальность показывает их синонимичность и западноевропейское происхождение (от позднелатинского слова *mentalis*, произв. от лат. *mens, mentis* – ум и *alis* – другие). Обращение к англоязычным психологическим словарям выявляет психологическую реальность базового понятия “*mentality*”. Оно определяется как “качество ума, которое характеризует отдельного индивида или класс индивидов”, как “обобщение всех характеристик, отличающих ум”, как “способность или сила разума”, как “установки, настроения, содер-

жание ума”, “образ мыслей, направление или характер размышлений” и, наконец, как “сумма мыслительных способностей или возможностей, отличающихся от физических” [21, с. 10]. В качестве научного понятия термин “ментальность” (франц. *mentalite*) стало встречаться во французской науке в начале XX в. По мнению А.А. Налчаджяна, в оборот социальных дисциплин указанное понятие ввел Леви-Брюль, понимая под менталитетом особую характеристику мышления, но также интерпретируя менталитет как отношение, базовую установку людей определенной социальной общности к миру [23, с. 343]. И.Г. Дубов считает, что непосредственно в психологию термин менталитет был введен французскими психологами Ш. Блонделем и А. Валлоном [12]. В психологической литературе также можно встретить и других ученых, с чьими именами связывают истоки понятия “менталитет”. Так, например, Т.Г. Стефаненко в этой связи отмечает: “С первых шагов становления этнопсихологии крупнейшие ее представители изучали именно менталитет, хотя и под другими названиями. Немец В. Вундт рассматривал общие представления в качестве содержания души народов, американец Ф. Хсю подчеркивал, что психологическая антропология исследует социальные представления, которые совпадают у членов той или иной культуры, русский философ Г.Г. Шпет ввел понятие типические коллективные переживания” [35, с. 139]. Но большинство исследователей признают, что самый существенный вклад в разработку проблематики менталитета внесли французские историки школы “Анналов” – М. Блок и Л. Февр. Подчеркивая вклад французских историков, В. Шкуратов отмечает, что им удалось создать межпредметное поле научных изысканий в области изучения ментальностей и объединить достижения историков, философов, этнографов, социологов и психологов [37].

Содержание менталитета тесно связано с когнитивной сферой и определяется через систему знаний, которыми владеет та или иная социальная общность, большая социальная группа (нация, класс или сословие). “Совместно с верованиями знания составляют представления об окружающем мире, которые являются базой менталитета, задавая вкупе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей, характеризующую данную общность” [21, с. 13]. По способу функционирования все неосознаваемое содержание менталитета представляет собой набор социальных установок. Благодаря ментальным особенностям психики реакция человека на текущие внешние воздействия не носит стимульно-реактивного характера, а отражение внешнего мира опосредуется не только собственным индивидуальным опытом, но и опытом прошлых поколений. Ментальные

структуры, функционируя в бессознательном, создают точки опоры – “символические парадигмы” (М. Элиаде), “унаследованные мыслительные диспозиции” (З. Фрейд), “первообразы” (К. Юнг).

Менталитет принято отличать от близких по содержанию понятий: “национальный характер”, “общественное сознание”, “обычаи и традиции”. Национальный характер, понимаемый как специфическое сочетание устойчивых личностных черт представителей конкретного этноса или как доминирующие в данном обществе ценности и установки, является лишь частью менталитета. Менталитет же представляет собой интегральную характеристику психологических особенностей людей (мироощущение), принадлежащих к той или иной изучаемой культуре. В отличие от общественного сознания, которое отражает идеологию, мировоззрение людей конкретной исторической эпохи и государства в целом, ментальные особенности психики тесно связаны с эмоциями, представлениями, образами, они детерминируются совокупностью природно-географических, социальных, экономических, семейно-бытовых и других факторов. Специфические особенности менталитета могут проявляться не у всех индивидов в том или ином обществе, а у определенной его части (в случае национальной ментальности – у большинства людей). В этой связи представители школы “Анналов” предпочитали говорить не о ментальности как общей характеристике индивидов, принадлежащих к одной культуре, а о ментальностях, имея в виду несводимость менталитетов различных слоев населения в единое целое. И наконец, в отличие от обычаев и традиций менталитет социальной общности проявляет себя не столько в поведении ее представителей, сколько во внутренних планах сознания и бессознательного, во взглядах на мир, в способах категоризации и мыследеятельности.

По мнению французских историков школы “Анналов”, ментальные структуры психики формируются на протяжении длительного исторического периода, значительно превышающего время жизни конкретного индивида или большой социальной группы. В связи с объектом данного исследования следует отметить, что в научной литературе подвергается сомнению сам факт существования крестьян в условиях современной России: “Семьдесят лет физического, юридического, морального, социального, политического растаптывания крестьян в России привели к печальному результату... к искоренению крестьянства как особой социальной группы. В российском обществе сегодня такой группы нет” [27, с. 3]. Мы не можем согласиться со столь пессимистической точкой зрения. И в современных, крайне тяжелых для деревни условиях, остается класс сельских тружеников, которые, как и много веков на-

зад, продолжают выполнять свою основную функцию, а именно, заниматься сельскохозяйственным трудом, выращивать хлеб, сохранять традиции непосредственного общения, когда люди знают друг друга в лицо и проводят всю жизнь в природном окружении. Т. Шанин определяет крестьян как “мелких сельскохозяйственных производителей, которые, используя простой инвентарь и труд членов своей семьи, работают – прямо или косвенно – на удовлетворение своих собственных потребительских нужд и выполнение обязательств по отношению к обладателям политической и экономической власти” [5]. Историк А.В. Гордон, говоря о крестьянстве, исходит из того, что это, прежде всего, – общность, специфическая форма социальности, этнокультура, “мир”. «Ему противостоит тоже не класс, а другой “мир” – Город» [9].

ВЛИЯНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО МЕНТАЛИТЕТА НА РУССКУЮ (РОССИЙСКУЮ) МЕНТАЛЬНОСТЬ

На это влияние, в частности, указывают такие авторитетные отечественные исследователи в области этнопсихологии, как С.В. Лурье и Т.Г. Стефаненко. Не соглашаясь с Э. Эриксоном, который считал, что загадка русской души лежит в обычае тугого пеленания младенцев, сохранившемся вплоть до XX в., Т.Г. Стефаненко пишет: «Явно неправомерно придавать столь глобальное значение “пеленочному детерминизму” (одному из “ничтожных аспектов дела”, по определению П. Сорокина)... Более продуктивным представляется выделение в русской ментальности этнических констант... В стране, где еще в 1926 г. городское население составляло всего 18%, да и в начале XXI в. у большей части россиян сохраняются крестьянские корни, этнические константы следует искать именно в ментальности крестьян» [35, с. 145].

В истории русской научной мысли существовали и другие версии по вопросу о ведущем факторе, определившем основные социально-психологические черты национального менталитета. Одни исследователи связывали истоки русской Души с природно-географическим фактором (В.О. Ключевский, Л.Н. Гумилев), другие – с православием (Н.О. Лосский, Ф.М. Достоевский, И.А. Ильин и др.), третьи – с архетипом Анимы, женственностью русской Души (Н.А. Бердяев). Но наиболее убедительной, по нашему мнению, является точка зрения отечественных историков, филологов и социологов, опирающихся на категорию “образ жизни” (Г.В. Вернадский, Г.У. Успенский, П.И. Симуш, А.В. Гордон). Так, Г.В. Вернадский подчеркивал, что при изучении русской истории “нельзя предать забвению игру экономических

и культурных сил, которая имела место на территории России задолго до появления собственно России... Не может быть никаких сомнений в том, что сельское хозяйство было одним из главных элементов русской национальной экономики” [6, с. 118]. Проявляет солидарность с высказанной точкой зрения и современный исследователь проблемы историк А.В. Гордон: “Свойства русского народа во многом типичны для народа, который до позднейшего времени оставался крестьянским. Даже в индустриальную эпоху социальное планирование не смогло преодолеть культурно и психологически укорененной ритмики земледельческого труда; импульсивность и страдная психология, крестьянская способность к предельному кратковременному напряжению сил использовались в авральной методике выполнения производственных планов” [10, с. 31]. Последовательно отстаивая тезис о том, что образ жизни людей, их основной исторически сложившийся способ производства закладывает архетипические основы национальной ментальности, нельзя не сослаться и на марксистскую точку зрения. В работе “18-е брюмера Луи Бонапарта” К. Маркс писал: “Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые они сами не выбирали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых” [20, с. 8].

Логику марксистского, системно-деятельностного подхода при рассмотрении макропсихологических феноменов в психологии последовательно отстаивает и А.Г. Асмолов. Он отмечает, что в центре марксистской системы отсчета должно стать “бытие человека в мире”. “Ключ к пониманию природы человека лежит не в нем самом, как некотором телесном объекте, а в той системе, в которую он включается и внутри которой осуществляется его развитие и функционирование, его жизнь” [3, с. 170]. В качестве системной реальности рассматривается преимущественный образ жизни людей в совокупности природно-географических, экономических, социально-бытовых, семейных и других факторов. На значимость категории образа жизни в психологических исследованиях, направленных на изучение сущности человека как совокупности общественных отношений, указывала и Е.В. Шорохова (цит. по: [3, с. 100]).

Как основу влияния сельскохозяйственного образа жизни на закрепление крестьянской ментальности в историческом процессе следует рассматривать особую культуру. Ее содержание представляет собой систему, включающую в себя знания крестьян о мире; отношения к природе, другим людям, к труду; их верования; опыт переживаний и разрешений трудных жизненных ситу-

аций, закрепленный в творениях устного народного творчества (былины, сказки, пословицы и поговорки); а также основные нормы деятельности (трудовой, бытовой, семейной, духовно-нравственной, социальной).

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КРЕСТЬЯНСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Одной из важнейших составляющих крестьянского менталитета является *природоцентрированный* характер сознания. Функциональный эффект здесь будет определяться специфическим типом направленности, когда объекты природы (астрономические явления, времена года, растения, животные, погодные факторы) приобретали особое значение (сакральное) в образе мира людей, формировали почти мистическое отношение к природе: “огонь-царь”, “вода-царица”, “земля-матушка”, “небо-отец”, “ветер-господин”, “дождь-кормилец”. Историк Л.В. Милов отмечает, что именно глубочайшее и доскональное знание разнообразных природных явлений в целом и позволяло русскому народу (крестьянскому по преимуществу образу жизни. – М.М.) приспосабливаться к тем или иным годовым, сезонным и синопическим изменениям погоды. “Многочисленные приметы поведения животных, птиц, насекомых, рыб дают крестьянину сигналы о характере грядущей смены сезона, о степени благоприятности условий и времени посева и сбора урожая, прогнозов на урожай. Они же предсказывают болезни и смерть близких и т.п.” [22, с. 45]. Но не только растительный и животный мир сигнализировал об успешности – неуспешности грядущих сельскохозяйственных работ. Крестьяне внимательно наблюдали за фазами Луны, производили оценку внешнего вида Солнца, что также позволяло им ориентироваться в сроках сева полевых и огородных культур, определять погоду. Все это способствовало языческому поклонению объектам природы. Многие исследователи крестьянского миропонимания (В. Базанов, В.Н. Топоров, Д.С. Лихачев, Л.В. Милов и др.) приводят примеры архаических обрядов моления у овина, воды, дерева, которые имели традиционные черты вплоть до XX в. Л.В. Милов отмечает, что в России в силу природно-географических условий надолго сохранился “масштабный синкретизм”, что для христианской страны имело просто беспрецедентный характер. В русском человеке “поселился не только христианин, но и сохранился язычник, может быть даже в большей степени язычник, чем христианин” [22, с. 53].

Сохранение языческих (архаических) форм в восприятии окружающего мира у современных россиян проявляется в праздновании Масленицы, Пасхи, в периодически наступающем всеобщем интересе к чудесам, целителям, экстрасенсам.

Именно эта национальная черта перешла к нам из прошлого, она – свидетельство влияния крестьянской ментальности на всю русскую (российскую) ментальность. Сошлемся в этой связи на рассуждение Б.А. Рыбакова. Он пишет: “Когда на Руси появилось христианство, оно встретилось с такой устойчивой, веками складывавшейся земледельческой религией, с такими прочными языческими верованиями, что вынуждено было приспособиться к ним, подменить Волоса – Власием, Перуна – Ильей, Мокошь – Пятницей Параскевой, молчаливо признать Масленицу и др. языческие календарные праздники” [26, с. 92].

На языческие основы мировосприятия большинства россиян опирались позднее коммунисты в период своего правления. Следует указать на широкое использование в идеологической сфере деятельности различных фетишей, имеющих характер “магической силы”: пионерский галстук, комсомольский значок, партийный билет. Магический предмет начинал руководить поведением человека, побуждая к совершению комплекса действий, предписанных обществом. Например, пионеры должны были хорошо учиться, помогать старшим, воспитывать младших и т.д. В период, когда началась “перестройка”, и идеологические фетиши стали вытесняться, у многих коммунистов отмечались случаи кризисных состояний: депрессия, нарушение социальной адаптированности.

Сращенность крестьянина с природой, с землей, с трудом на земле приводили к формированию особых психологических качеств, транслируемых на всю российскую ментальность и отмечаемых многими отечественными и зарубежными исследователями. К ним можно отнести: дифференцированное восприятие объектов природы, преобладание эмоционально-интуитивного типа мышления (по сравнению с рационально-логическим, характерным, например, для немцев), цикличность в осуществлении трудовых действий, амбивалентность настроения, специфические критерии оценки и способы запоминания.

Погодный фактор всегда существенным образом влиял и влияет на результаты труда крестьян. Иногда засуха или, напротив, чрезмерно дождливое лето могли почти полностью лишить людей источников жизнеобеспечения, приводя к голоду и смерти. Вот почему рациональное отношение к миру часто подменялось в крестьянском менталитете иррациональностью: “Чем хуже – тем лучше?”

Второй важнейшей характеристикой крестьянского менталитета, по нашему мнению, является *антиномичность сознания*. На дуализм русского крестьянина обращали внимание многие отечественные мыслители. Так, например, М. Горький в брошюре “О русском крестьянстве” отмечал, что в юности он усиленно искал по де-

ревням России того добродушного, вдумчивого русского крестьянина, неутомимого искателя правды и справедливости, о котором красиво и убедительно рассказывала миру русская литература XIX в. Искал – и не нашел его. “Я встретил там сурового реалиста и хитреца, который – когда это выгодно ему – прекрасно умеет показать себя простаком. По природе своей он не глуп и сам хорошо знает это. Он создал множество печальных песен, грубых и жестоких сказок, создал тысячи пословиц, в которых воплощен опыт его тяжелой жизни” (цит. по: [7, с. 339]).

Антиномичность сознания, по мнению Н.А. Бердяева, является существенной особенностью русского характера в целом. Он раскрывает смысл антиномии на примере основных черт русских людей: одухотворенность и возвышенность помыслов в сочетании с низостью, неблагородством и отсутствием достоинства; свободолюбие вплоть до анархизма и “страна инертного консерватизма, крепкого быта и тяжелой плоти”, “страна купцов, стяжателей, страна чиновников” [4].

Закреплению антиномии, как ментальной черты всего русского (российского) этноса во многом способствовал сельскохозяйственный образ жизни большинства людей. Анализируя причину образования антиномичности сознания у крестьян, А.В. Гордон отмечает: “Фиксация противоположности теплого и холодного времени года, так же как фиксация противоположности светлого и темного времени суток, образовывала в сознании субъекта (крестьянина. – М.М.) ассоциативный ряд...” [9, с. 42]. Наличие большого количества антиномичных конструктов в сознании крестьянина (“правда–ложь”, “индивидуализм–коллективизм”, “свой–чужие”, “мудрость–глупость”), которые так блистательно описал в “Пословицах русского народа” В. Даль, говорит, казалось бы, о крайне противоречивой картине мира. В этой системе антиномий нет ничего постоянного, все течет, все изменяется, любая ценность может быть подвергнута сомнению. Но, с другой стороны, это показатель отражения существующего мира, реальная диалектика жизни, не односторонний, а всесторонний подход к явлениям действительности. Кроме того, антиномичность в крестьянской картине мира преодолевалась созданием и закреплением в культуре календарных праздников, которые выступали как “сила, преодолевающая антиномичность”. Крестьянин чувствовал свою причастность к этой силе. Празднуя Масленицу, он видел свою задачу в “оказании помощи силам света и тепла, в благополучном переходе важного, сакрального рубежа, в содействии народившейся солнечной активности, в укреплении ее мощи” [9, с. 42]. Обрядовыми действиями был заполнен и дальнейший (после Масленицы) период между посевом и жатвой. Их смысл заключался в стремлении крестья-

нина повлиять на то, что названо “волей Божьей”, иными словами на оптимальное явление природных стихий. «Вопреки различным религиозным традициям, которые призывали земледельца смириться, он вступал “в борьбу с небом”» [9, с. 47].

Ценностно-смысловое отношение к труду – третья существенная характеристика крестьянской ментальности.

Календарное действие становилось моментом высокого подъема духовных и психических сил крестьянина, даруя ему чувство собственного могущества. Но еще большую самооценку он ощущал в процессе труда. Как пишет А.В. Гордон, “для крестьян собственный труд на земле имел космические масштабы, был необходимым и важнейшим элементом всего мироздания (единство макро- и микрокосмов)” [9, с. 45]. Такое большое значение сельскохозяйственного труда определяется его непосредственной связью с самой жизнедеятельностью людей. Труд – источник существования, развития, обучения, обретения смысла жизни. Интересно отметить, что этимологический смысл слова “крестьянин” близок понятию “христианин” и старославянскому слову “кръсть” (крест). Следовательно, крестьянин – христианин, человек, получивший крещение (волю Божию) и несущий свой крест. Крест – это и распятие (тяжкое, непосильное бремя труда), и освященный символ, причащение к святому, вневременному, духовному. Отсюда становится понятным, почему именно в рамках крестьянского образа жизни воспроизводятся такие базовые человеческие ценности, как жизнь, труд, созидание, здоровье, мир, гармоничные отношения с природой и людьми, семья, красота и др.

О значимости влияния основного вида деятельности человека на его сознание и самосознание неоднократно говорилось в трудах отечественных психологов (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, В.П. Зинченко, Е.А. Климов и др.). С.Л. Рубинштейн определил это влияние следующим образом: “Деятельность человека обуславливает формирование его сознания, его психических связей, процессов и свойств, а эти последние, осуществляя организацию человеческой деятельности, являются условием их адекватного выполнения” [25, с. 251]. В качестве механизма влияния в культурно-исторической теории Л.С. Выготского признается принцип опосредования. Он означает, что между человеком и средой существует некоторая зона, в которой функционируют закрепленные в основных видах жизнедеятельности людей историко-культурные модели жизненных и профессиональных стратегий, а также формы оценочного отношения к действительности. Эта особенность самой деятельности приводит к фор-

мированию сложных знако-символических и смысловых образований (ментальных особенностей), в которых отражаются системные отношения человека непосредственно к выполняемой им деятельности, к другим людям, к себе самому. Следовательно, воспроизводится не только собственно операциональная сторона деятельности, но и духовно-нравственная, а также способы мыслительной деятельности людей.

По мнению Е.А. Климова, важнейшим психологическим признаком любого труда, помимо способности его субъекта предвосхищать общественно ценный результат, является сознание обязательности достижения заданного результата. Трудовая деятельность человека должна соответствовать общественно значимым эталонам, правилам, стандартам; она всегда, так или иначе, разворачивается на фоне возникновения различных барьеров (внутренних и внешних). Труд в этом смысле соотносится с деятельностью по преодолению различных преград (включая и собственную лень), а следовательно, требует волевых затрат. “Без этого, без культа ответственности, общество не могло бы существовать и развиваться” [16, с. 33]. Специфический характер сельскохозяйственного труда приводил к формированию особого типа ритмичности в организации всей жизнедеятельности крестьян: семейно-бытовых, общинных, правовых, религиозных отношениях. Как отмечает М.М. Громыко, степень тяжести физических нагрузок (как впрочем, и психологических) нарастала в крестьянском быту незаметно и последовательно, что закаливало человека, но не подрывало его. Также последовательно нарастала и мера ответственности: перед сверстниками, перед братом или сестрой, перед родителями, перед деревней, перед государством, и, наконец, перед всем белым светом. «Наблюдая за последовательностью агротехнических приемов: вспашка, сев, прополка, уборка урожая, – крестьянин соизмерял и свою жизнь чередой последовательных актов. Разрыв в цепи естественных, а потому необходимых в своей последовательности житейских событий или же их перестановка во времени лихорадили всю человеческую судьбу. Так, слишком ранняя женитьба могла вызвать в мужчине своеобразный комплекс “недогула”. Так же точно и слишком затянувшийся холостяцкий период не шел на пользу, выбивал из нормальной жизненной колеи, развращал» [11, с. 8–9].

Специфические особенности труда и образа жизни способствовали формированию *экзистенциального характера мировосприятия* (четвертая характеристика крестьянской ментальности). Экзистенциальность крестьянского мироощущения может быть понята как сосредоточенность человека на его способности противостоять иррациональности, вышедшему из-под его контроля потоку событий. Он делал выбор самого себя,

своей сущности, накладывающей ответственность за все происходящее в мире.

Экзистенция, понимаемая как существование человека в модусе осознания “здесь-и-теперь”, предполагает не столько познание, рефлекссию, обращенность сознания на мир предметных представлений, а переживание, чувствование человеком брэнности своего существования. В этих переживаниях крестьянину открывалась истинная мудрость, “как экспертное знание о фундаментальной практике жизни” [2]. На уровне интуитивного чувствования он постигал архетипические смыслы своего предназначения – трудиться на земле, потому что, “если не я, то кто?” Экзистенция – это судьба-призвание, которой человек беспрекословно, стоически подчиняется.

И, наконец, пятой сущностной чертой крестьянской ментальности является *специфическая социальность*, основанная на принципе антиномии: с одной стороны – коллективизм (соборность, общинность) русского крестьянства, с другой – индивидуализм, свободолобие, независимость от других, противопоставление себя власти (крестьянская асоциальность). Активизации соборности (индивидуалистических начал) способствуют и содержание труда, и его результаты. Крестьянская субъективность, своеобразная внеисторичность и внесоциальность, раскрывалась Марксом, как “эгоизм варваров, которые, сосредоточив все свои интересы на ничтожном клочке земли, спокойно наблюдали, как рушились целые империи, как совершались невероятные жестокости, как истребляли население больших городов” (цит. по: [9, с. 16]). М.А. Выцлан, проанализировав пословицы русского народа в редакции В. Даля, также отмечает, что индивидуализм явно превалирует над коллективизмом в пословицах, группируемых по разделу “работа–праздность”. В разделе, содержащем около 500 пословиц и поговорок, не было обнаружено ни одной, посвященной крестьянской взаимопомощи, апологии коллективного труда. Зато есть поговорки, негативно оценивающие псевдоколлективный труд: “Семеро одну соломинку поднимают”; “Один рубит, семеро в кулаки трубят” и т.д. В разделе “свое–чужое” крестьянин предстает как законченный индивидуалист и собственник: “Всяк сам на себя хлеба добывает”; “Кто о чем, а мы о своем. Кто по ком, а мы по себе” [7]. В то же время частнособственнические “индивидуалистические” интересы крестьян удивительным образом сочетались с их коллективистической направленностью. В частности, коллективизм ярко проявился в вопросе о частной собственности на землю. Негативное отношение к частной собственности на землю проявлялось во всех революциях, и эта черта, по мнению историка М.А. Выцлана, стала важнейшей чертой менталитета российского крестьянства.

Коллективное начало у крестьян также проявлялось по отношению к крестьянскому самоуправлению, “миру”. “Что мир порядил, то Бог рассудил”, – звучит в одной из пословиц, собранных В. Далем. Крестьяне понимали, что без объединения людей невозможно решать общие задачи, устанавливать законы, порядок, справедливость. “Как мир захочет, рассудит, порядит, поставит, позволит, приговорит, положит – мирская воля”.

Таким образом, выделенные и описанные психологические характеристики крестьянской ментальности могут быть проинтерпретированы как базовые установки крестьян по отношению к значимым сторонам их жизнедеятельности: к природе, обществу, труду, к власти. Эти характеристики показывают специфичность “деревенского образа мира”, его культурно-историческую обусловленность и целесообразность. Как феномен психологический и одновременно культурный, крестьянская ментальность нуждается в дальнейшем исследовании. Значимость исследований в этом направлении определяется как теоретическими, так и практическими интересами гуманитарного познания. В сфере теоретических изысканий, имеющих психологическую направленность, феномен крестьянской ментальности позволяет психологам включиться в межпредметный диалог со специалистами других гуманитарных дисциплин и осваивать новую предметную область, связанную с изучением макropsychологических явлений. Практический аспект психологических исследований в данном направлении будет определять возможности психологии как научно-практической дисциплины влиять на социальную политику государства при планировании масштабных проектов, связанных с “переустройством” села, с проектированием “новых” сред обитания россиян, с формированием культуры жизнедеятельности людей в целом. Безусловно, представленное в статье понимание сущности крестьянской ментальности нуждается в эмпирической проверке, в обнаружении ментальных структур у современных работников сельскохозяйственного производства. Для этой цели необходимо создавать и новый инструментарий, позволяющий обнаруживать и описывать ментальные особенности крестьянства России в их исторической динамике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Российский менталитет: кросскультурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М., 1997.
2. Анцыферова Л.И. Гуманистически-экзистенциальный подход к мудрости: способы постижения истинного Я и призвания человека // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 3. С. 5–14.
3. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М., 1996.
4. Бердяев Н. Судьба России. М.: Изд-во МГУ, 1990.
5. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. Пер. с англ. / Сост. Т. Шанин. М., 1992.
6. Вернадский Г.В. Киевская Русь. М., 1996.
7. Выцлан М.А. Индивидуализм и коллективизм крестьян // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 334–347.
8. Горбачева Р.М. К новому быту // Колхоз – школа коммунизма для крестьянства (комплексное социальное исследование колхоза “Россия”). М., 1965. С. 271–251.
9. Гордон А.В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989.
10. Гордон А.В. Хозяйствование на земле – основа крестьянского мировосприятия // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 57–74.
11. Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.
12. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 20–27.
13. Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.В. Особенности психологии крестьянства (прошлое и настоящее). М., 1983.
14. Иващенко Ф.И. Сельскохозяйственный труд старших школьников. Минск, 1978.
15. Климов Е.А. Как выбирать профессию. М., 1984.
16. Климов Е.А. Психологическое содержание труда и вопросы воспитания. М.: Знание, 1986.
17. Коллектив колхозников. Социально-психологическое исследование / Под ред. В.Н. Колбановского. М., 1970.
18. Кулешова Л.Н. Общение в ученической производственной бригаде как фактор сознательного отношения к труду // Сознательное отношение школьников к труду и профессиям как объект психолого-педагогических исследований. Ставрополь, 1986. С. 81–93.
19. Левыкин И.Т. Некоторые методологические проблемы изучения психологии крестьянства. Орел–Тула, 1970.
20. Маркс К. 18-е брюмера Луи Бонапарта. М., 1985.
21. Ментальность россиян (специфика сознания больших групп населения России) / Вед. ред. И.Г. Дубов. М., 1997.
22. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России. М., 1996. С. 40–56.
23. Налчаджян А.А. Этническая характерология. Ереван, 2001.
24. Позняков В.П. Межгрупповая дифференциация в сельских общностях в условиях изменения форм собственности // Психол. журн. 1997. Т. 18. № 5. С. 62–73.

25. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2-х томах. М., 1989. Т. II.
26. Рыбаков Б.А. Искусство древних славян // История русского искусства. Т. I.
27. Социальная эволюция крестьянства в 60–80-е годы / Под общ. ред. В.М. Долгова. Саратов, 1993.
28. Савкин Н.С. Ценностные ориентации современного колхозного крестьянства: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Л., 1971.
29. Сапожников Н.М. Ценностные ориентации работников сельского хозяйства // Научн. труды Саратовского с/х института. Саратов, 1974. С. 133–139.
30. Сидельковский А.П. Сущность и структура сознательного отношения школьников к труду // Сознательное отношение школьников к труду и профессиям как объект психолого-педагогических исследований. Ставрополь, 1986. С. 1–29.
31. Симуш П.И. Труд во имя коммунизма // Колхоз – школа коммунизма для крестьянства (комплексное социальное исследование колхоза “Россия”). М., 1965. С. 83–116.
32. Симуш П.И. Социальный портрет советского крестьянства. М., 1976.
33. Симуш П.И. Облик хозяина земли: новейшие и традиционные черты. М., 1987.
34. Социологическое изучение села: социальная структура, управление / Под ред. Ю.В. Арутюняна. М., 1968.
35. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов. М., 2004.
36. Успенский Г.И. Власть земли. М., 1988.
37. Шкуратов В. Историческая психология. Ростов н/Д, 1994.
38. Шорохова Е.В. Психологические особенности социально-экономических преобразований в сельском хозяйстве в 20–30-е годы 20 века // Социальная психология экономического поведения / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М., 1999.

PEASANT MENTALITY: CULTURAL-AND-HISTORICAL ANALYSIS

M. I. Mel'nikova

PhD, assistant professor, chief psychologist, department of personality, North Caucasus Bank of Russian Saving-Bank, Stavropol

New notion – peasant mentality as cultural-and-historical phenomenon representing integrative characteristic of collective consciousness archetypical forms is introduced into categories system of historical psychology. Peculiarities of peasant mentality: nature-centricity, antinomy, value-meaning attitude to labour, existential character of world perception, specific social duality (collectivism–individualism) are revealed. The role of peasant mentality in Russian mentality basis forming is emphasized.

Key words: mentality, peasant mentality, essential characteristics of peasant mentality, ways of collective experience transmission, activity mediated way of life.